

Савченкова Татьяна Павловна

РУССКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ 1830-Х ГГ. И СТИХОТВОРЕНИЕ П. П. ЕРШОВА "НОС"

В статье раскрываются принципы романтической антропологии, отразившиеся в трудах философа и эстетика А. И. Галича, особо рассматривается значение его работы "Картина человека" и понятий "физиономика" и "духовная семиотика" для русских литераторов первой трети XIX века, обратившихся в своей прозе к художественной разработке мотива носа. Главное внимание уделено анализу поэтики стихотворения П. П. Ершова "Нос", которое рассматривается в качестве итогового произведения русской "носологии".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 141-144. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

6. Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М.: Эксмо, 2006. 464 с.
7. Хасанова М. С. Процессно-событийные имена как маркеры таксисных отношений в русском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. 1. С. 184-186.
8. Хлыстунова Ю. Ю. Лексико-грамматический уровень средств выражения фазовости в современном немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 188-192.
9. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95-113.
10. Brinkmann H. Die deutsche Sprache Gestalt und Leistung. 2 Aufl. neuüberarb. Düsseldorf: Schwann, 1971. 939 S.
11. Ulitzkaja L. Reise in den siebenten Himmel. Berlin: Verlag Volk & Welt GmbH Berlin, 2001. 512 S.

**“SIMULTANEITY OF PROCESSES” IN DEPENDENT TAXIS SEGMENT IN THE RUSSIAN LANGUAGE.
VARIANTS AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE GERMAN LANGUAGE**

Radchenko Elena Nikolaevna

*Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovskii
lenarad71@mail.ru*

The author gives some features of language embodiment of processes simultaneity taxis relations in dependent taxis segment, presents some models of these relations and gives their characteristics within the framework of functional grammar, and while characterizing the models pays special attention to the ways of actions of verbs, verbal forms and contextual environment.

Key words and phrases: functional grammar; functional-semantic field; taxis; simultaneity; process nature; simultaneity of processes.

УДК 801.73

Филологические науки

В статье раскрываются принципы романтической антропологии, отразившиеся в трудах философа и эстетика А. И. Галича, особо рассматривается значение его работы «Картина человека» и понятий «физиономика» и «духовная семиотика» для русских литераторов первой трети XIX века, обратившихся в своей прозе к художественной разработке мотива носа. Главное внимание уделено анализу поэтики стихотворения П. П. Ершова «Нос», которое рассматривается в качестве итогового произведения русской «носологии».

Ключевые слова и фразы: романтическая антропология; картина человека; физиономика; духовная семиотика; эстетика; мотив носа; А. И. Галич; П. П. Ершов.

Савченкова Татьяна Павловна, к. филол. н., доцент

*Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова
stp72@rambler.ru*

**РУССКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ 1830-Х ГГ.
И СТИХОТВОРЕНИЕ П. П. ЕРШОВА «НОС»[©]**

Конец XVIII – первая треть XIX века – это эпоха повышенного интереса писателей к физиологии, а также сопутствующим ей «нетрадиционным» учениям – физиономике, френологии (краниологии), месмеризму. Представление о человеке как своеобразном микрокосме, в котором духовное и телесное пребывают в неразрывном единстве, а нарушение этой целостности чревато драматическими последствиями, вызывающими необратимые изменения в его сознании, мировосприятии и судьбе, занимает одно из центральных мест в философии, эстетике, литературе западноевропейского и русского романтизма. Подобное понимание личности было разработано с наибольшей полнотой в творчестве Э. Т. А. Гофмана, Л. Тика, А. фон Арнима, Антония Погорельского (А. А. Перовского), В. Ф. Одоевского.

Тогда же появляется и большой массив произведений, в которых данная проблема получает комическое освещение. Используя разнообразные формы и приёмы поэтики смешного, забавляя читателей «фарсами» и «гротесками», писатели не остаются в стороне от насущных вопросов и художественных идей своего времени. В данной статье будет рассмотрена так называемая «носологическая» линия русской литературы, обусловленная идеями антропологической эстетики и получившая завершение в произведении Ершова «Нос».

Романтический антропологизм нашёл своё отчётливое выражение в работах русского философа и эстетика А. И. Галича (1783-1848). Эстетические взгляды Галича основывались на идеях немецкого философа Шеллинга, утверждавшего синтез физического и духовного, взгляд на природу сквозь призму человека. В своём труде «Опыт науки изящного» Галич писал: «Человек есть гражданин двух миров – видимого и невидимого. Первому он принадлежит своею чувственно-органическою стороною, второму – духовно-нравственною, и судит о всяком данном предмете по коренным законам трояких сил своей природы, то есть по законам разума, хотения и чувствования» [11, с. 212]. Романтизм души, по мнению эстетика, получает материальное

осуществление. Человек, следуя потребностям чувственной природы, должен окружить себя везде предметами, «которые совершенством своего явления радовали бы сердце его и питали в нём любовь к блаженству жизни» [Там же, с. 213]. Романтическая «пластика», противопоставленная неопределённой мечте и неосязаемым грёзам раннего немецкого и русского романтизма, единство духовно-чувственного в природе и человеке находят своё дальнейшее обоснование в работе Галича «Картина человека», опубликованной в 1834 году [6]. Одна из частей этого труда посвящена ощущениям человека, в частности религиозному и эстетическому; понятиям воображения и фантазии, а также страстям: скупости, любви, гордости, любочестию, суётности, властолюбию, мстительности. Несколько разделов «картины» рассматривают физическое строение человека, каждая часть тела которого, по мнению Галича, имеет определённый смысл. В главе «Человекознание как наука. Главные отделы или ведомства тела» речь идёт о носе: «Резко обозначен и снаружи весьма просто устроен между черепом лежащий орган обоняния – нос, который однако же внутри состоит из двух полостей, разделённый преградой сперва костяною, а при конце хрящеватою...» [Там же, с. 89]. А в главе «Духовная семиотика. Физиономика» носы классифицируются по особенностям формы и делается попытка найти смысл данного органа: «Труднее определить значение неподвижного носа...» [Там же, с. 637].

Подобный подход к человеку не остался без внимания со стороны О. И. Сенковского, который не без язвительности откликнулся на книгу Галича в журнале «Библиотека для чтения» (раздел «Литературная летопись»): «Омеопатия не наше дело, но картина человека была бы не полна без физиономики. О, не шутите над нею. Физиономика удивительное дело. Какие важные, вековые истины сообщает она читателям “всех образованных сословий”! После выхода в свет “Картины человека” нельзя никому показаться на улице: все прохожие разгадают ваш характер... Все части лица имеют своё значение, и вы найдёте в “Картине человека” постоянный “закон” на каждый казус лица вашего приятеля. Одного носа, говорит “картина”, определить невозможно. Нос вещь непостижимая: человек может всё понять, – но он не в силах понять своего носа. Что значит нос? Зачем растёт он на лице? Чего от людей хочет?.. Нос! Ужасный нос! Проклятый нос! Скажи, кто ты? Откуда ты?.. Кончик носа есть острая скала, о которую разбиваются все умозрения. *Hic finis terrarum*» [1, с. 34-35].

Будучи острым полемистом, подвергавшим разоблачению многие научные теории своих современников, он не преминул выделить наиболее уязвимое место в работе Галича и высмеять его семиотический метод понимания природы человека. По всей видимости, ирония Сенковского касалась не только Галича, но и литературы первой трети XIX века, в которой мотив носа получил достаточно широкое распространение. Популярности данного мотива способствовали русский перевод романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», выполненный в 1804-1807 годах, и «юмореска» немецкого писателя Генриха Цшюкке «Похвала носу», напечатанная на страницах газеты «Молва» в 1831 году. В обоих произведениях иронически обыгрывались умозрительные попытки философов понять «высокое» назначение самой «выдающейся» части человеческого лица.

В духе Цшюкке развивал данную тему и русский писатель В. И. Карлгоф. Его «Панегирик носу» был включён в раздел «Пересмешник» газеты «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» за подписью Николай Карлгоф [9, с. 489]. Шутка Карлгофа была «оформлена» по всем правилам риторики – текст разбит на «периоды», каждый из которых начинался восклицанием «О нос!»: «О нос! Ты украшение, облагораживание лица человеческого!»; «О нос! Утешение рода человеческого!»; «О нос! Чистейший нравственностию, ты вопиешь о пороках того человека, который тебя носит, если сии пороки доведены до излишества!» [Там же]. И завершалось прославление авторским признанием в собственном бессилии подыскать нужные слова для выражения всех смыслов этого органа: «О нос! Бескорыстнейший из членов человеческих! Я не могу найти слов достойно прославить тебя! Чувствую вполне всю великость твою и смиряюсь перед тобою!» [Там же].

В 1836 году «Библиотека для чтения» опубликовала романтическую повесть Александра Марлинского «Мулла-Нур» со вставным рассказом о дербентском беке-носаче Гаджи-Юсуфе, в котором намечалась тенденция к персонификации носа и восхвалялись его этические и эстетические качества: «Кедр ливанский, он попирает стопою мураву усов и гордо раскидывается бровями. Под ним и окрест его цветут улыбки, на нём сидит орёл – дума. И как величаво вздымается он к облакам, как бесстрашно кидается вперёд, как пророчески помавает ноздрями – будто вдыхает уже ветер бессмертия. Нет, не верю, чтоб нос предназначен был судьбой только для табакерки или скляночки с духами... Не хочу, не могу верить!.. Я убеждён, что при всеобщей скачке к усовершенствованию, нос никак не будет назади!.. Для него найдут обширнее круг деятельности, благороднее нынешней роли» [2, с. 72]. Самые лучшие по красоте носы герой повести находит на Кавказе. Читателям предлагается «подорожная с чином коллежского асессора» и поездка в Грузию, где только и возможно лицезрение этого чуда природы: «И что там за носы в самом деле, что за чудесные носы! Осанистые, высокие, колесом, а сами так и сияют, так и рдеют; ну, вот, кажется, пальцем тронь, брызнут кахетинским» [Там же, с. 73]. Нос у Марлинского, помимо своих антропоморфных свойств, оказывается также связанным с органической (деревья, плоды) и неорганической (горные валуны) природой.

Через несколько месяцев после выхода повести Марлинского в пушкинском «Современнике» появляется «Нос» Н. В. Гоголя. Герой гоголевского произведения майор Ковалёв, проживающий в Петербурге, в недалёком прошлом служил на Кавказе, отсюда и примечательное именование его чина – «кавказский» коллежский асессор. Правда, в сюжетном плане эта ассоциативная связь человеческого органа и кавказских гор, представленная Марлинским в ярких метафорических образах, у Гоголя останется лишь в виде намёка и не получит смысловой и образной разработки. В то же время Гоголь развернёт в своём произведении лишь намеченный предыдущей «носологической» литературой мотив «автономности» носа. Нос в повести Гоголя оставляет своего «носителя» и начинает вести совершенно независимую от него жизнь.

В отечественном литературоведении семантике слова «нос» у Гоголя посвящено значительное число работ, среди которых наиболее содержательной в плане выявления контекстных связей гоголевской повести со всем обилием «носологической» литературы первой трети XIX века является статья В. В. Виноградова [5, с. 5-44]. Разнообразные попытки объяснения образа гоголевского «носа» природой художественного метода этого писателя и, прежде всего, поэтикой несуразного и абсурдного можно найти в исследованиях Г. А. Гуковского [7], Ю. В. Манна [10], С. Г. Бочарова [3]. Безусловно, проблема интерпретации образа носа в гоголеведении не может считаться решённой до конца и требует новых исследовательских попыток, но в данной статье можно заметить, что сам феномен «сопротивления» носа любой попытке рационального объяснения, столь рельефно представленный в повести Гоголя, мог быть инспирирован знакомством писателя с идеями антропологической философии Галича и журнально-газетными откликами на «Картину человека».

В дальнейшем тема носа пойдёт на убыль и окончательно утратит свою актуальность в самом конце 1850-х гг. В «Литературной газете» за 1844 год (27 и 29 номера) публиковались статьи В. Луганского (псевдоним В. И. Даля) «Черепословие и физиономика». Увлекаясь френологией («наука» о связи формы черепа с умственными и нравственными свойствами человека), к которой он относился с полным пиететом, В. Луганский посвятил часть своей второй статьи носу: «Никакая черта лица не может вознаградить в физиономике выражение носа. Это итог выражения чела и корень нижней половины лица» [8, с. 493]. От формы носа, по мнению автора, зависят и разнообразные качества личности. Горбатый нос свидетельствует об отсутствии «сердечной доброты, открытой весёлости, благородного самоотвержения», а курносый показывает «чувственность, сибаритство, ревнивость», излишняя же курносость – признак малого ума [Там же].

В 1858 году в журнале «Весельчак» появилось без подписи автора и даты создания стихотворение «Нос» [4, с. 41-42]. Название сопровождалось подзаголовком – «Лиро-эпическое произведение, исполненное поэзии и философии». Автором, не пожелавшим указать своё имя, являлся создатель сказки «Конёк-Горбунок» П. П. Ершов. Появление ершовского произведения на страницах «Весельчака» можно объяснить давними творческими связями поэта с петербургскими литераторами и издателями О. И. Сенковским и А. А. Смирдиным (сыном издателя А. Ф. Смирдина). Именно Сенковскому, знаменитому Барону Брамбеусу и первому рецензенту «Конька-Горбунка» в «Библиотеке для чтения», принадлежала идея создания нового юмористического журнала.

Ершовский «Нос» – единственный образец «носологической» литературы, написанный стихами. Состоящее из десяти десятистиший (в «Весельчаке» опубликовано только девять), это стихотворение разделяется на две части – «инвективную» и «хвалебную». В первых четырёх строфах лирический герой «обличает» своих собратьев-поэтов, не заметивших «истого образа красоты» – носа. Эта значимая часть лица осталась вне пределов поэтического вдохновения, охватившего, казалось бы, все части лица и тела человека:

Всё, всё – и перси наливные,
Ресницы, брови, волоса,
Уста, ланиты, стопы, выи,
Десницы, шуйцы, очеса,
Весь прозаический остаток –
Короче, с головы до пяток,
Всё, всё воспел поэтов клир;
Всему принёс он звуков дани,
Облек во блеск очарований
И миру выставил на пир [Там же, с. 41].

Здесь можно видеть и своеобразный отклик на повествование Марлинского о носаче Гаджи-Юсуфе («Мулла-Нур»), содержащее упрёк писателям, не заметившим значимой темы: «Куда подумаешь, прекрасная вещица – нос! Да и преплезная какая! А ведь никто до сих пор не вздумал поднести ему ни похвальной оды, ни стихов поздравительных, ни даже какой-нибудь журнальной статейки хоть бы инвалидною прозою! Чего-то люди не выдумали для глаз! И песни-то, и комплименты, и очки, и калейдоскопы, и картины-то, и гармонику из цветов. Уши они увесили серьгами, угощают Гайденовым хаосом, Робертом-Дьяволом, Фра-Дьяволом и всеми сладкозвучными чертенятами музыки. Про лакомку рот и говорить нечего: люди готовы бы жарить для него не только райских птиц, да самих чертей» [2, с. 72].

В пятой строфе герой пытается объяснить причины невнимания к носу с помощью современной философии, занимающейся, порой достаточно безуспешно, «расшифровкой» частей человеческого тела:

А нос – великий член творенья,
А нос – краса лица всего,
Оставлен ими в тьме забвенья,
Как будто б не было его.
В причины ум свой углубляю,
Ищу везде, не обретаю;
Но как новейший философ,
Решу оружием догадки:
«Или носы их были гадки,
Иль вовсе не было носов» [4, с. 41].

В последующих десятистишиях автор, используя приём персонификации, обращается уже непосредственно к самому носу, воспевая его величие по всем законам риторического искусства и одописи:

О нос! О член высокородный!
Лица почётный гражданин!
Физиономии народной
Трибун, глашатай, верный сын!
По непонятной воле рока
Ты долго, долго и глубоко
Дремал в пыли, забвен и сир;
Но днесь судьбой того ж устава
Ты должен пыль счихнуть со славой
И осенить величьем мир [Там же, с. 42].

Стихотворение Ершова основано на игре парадоксами, в нём соединяется серьёзное и комическое, философское и игровое начало. Значимая для ряда стихотворений этого писателя тема поэта и поэзии развивается здесь в шуточном ключе. По своим внешним, формальным признакам «Нос» обнаруживает большое сходство с программным стихотворением Ершова «Призыв». Оба произведения написаны четырёхстопным ямбом, состоят из десятистишных строф (данный вид строфы использован в поэзии Ершова только в этих двух случаях), имеют чёткое композиционное построение. В них широко используются риторические повторы и одическая лексика. Но если в «Призыве» подобная форма обусловлена содержанием – пророческой миссией поэта на земле, то в «Носе» тема творческого назначения поэта переводится в шуточно-пародийный регистр.

Подобная «несостыковка» содержательных и формальных элементов текста является вполне осознанным художественным приёмом «носологической» литературы. Стихотворение Ершова, по всей видимости, – финальный аккорд «носологии», этой оригинальной ветви русской философской и литературной антропологии.

Список литературы

1. Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. Кн. 3. 342 с.
2. Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. Кн. 7. 366 с.
3. Бочаров С. Г. Загадка «носа» и тайна лица // Н. В. Гоголь: История и современность: к 175-летию со дня рождения. М.: Сов. Россия, 1985. С. 180-212.
4. Весельчак: журнал всяких разных странностей, светских, литературных, художественных и иных. 1858. 12 марта. № 6. 116 с.
5. Виноградов В. В. Натуралистический гротеск: сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 511 с.
6. [Галич А. И.] Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий, начертанный А. Галичем. СПб., 1834. 678 с.
7. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М. – Л.: ГИХЛ, 1959. 530 с.
8. Литературная газета на 1844 год: издаваемая А. И. Ивановым / под редакцией А. А. Краевского. 1844. 27 июля. № 29. 554 с.
9. Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. 3 августа. № 62. 632 с.
10. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1978. 398 с.
11. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. М.: Искусство, 1974. Т. 2. 647 с.

RUSSIAN ROMANTIC ANTHROPOLOGY OF THE 1830S AND POEM “NOSE” BY P. P. ERSHOV

Savchenkova Tat'yana Pavlovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
stp72@rambler.ru

The author reveals the principles of romantic anthropology, represented in philosopher and aesthetics A. I. Galich's writings, considers the significance of his work "The picture of the man" and the notions "physiognomy" and "spiritual semiotics" for the Russian writers of the first third of the XIXth century, adverted in their prose to the artistic development of the motif "nose"; and pays special attention to the analysis of the poetics of poem "Nose" by A. P. Ershov, which is considered as the final work of the Russian "nose studies".

Key words and phrases: romantic anthropology; picture of the man; physiognomy; spiritual semiotics; aesthetics; motif of nose A. I. Galich; P. P. Ershov.